

Хвостова Г.А.

НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ НЕИЗВЕСТНОГО АРХИТЕКТОРА. Н.Т. СТУКОЛКИН В ЛЕТНЕМ САДУ

Хвостова, Галина Александровна — искусствовед, ведущий научный сотрудник, Государственный Русский музей, хранитель скульптуры Летнего сада, заслуженный работник культуры РФ, Россия, Санкт-Петербург, HvostovaGalina@yandex.ru.

В процессе анализа архивных материалов конца XIX — начала XX века по истории памятников и коллекции скульптуры Летнего сада, часто встречается имя Н.Т. Стуколкина, архитектора Министерства императорского двора, осуществлявшего надзор за всеми работами, проводившимися в Летнем саду. Деятельность архитектора до настоящего времени оставалась не изученной. Предлагаемые материалы, впервые вводимые в научный оборот, повествующие о роли Н.Т. Стуколкина в решении задач реставрации, ремонтных и хозяйственных работ в отношении памятников Летнего сада указанного периода, призваны заполнить этот пробел и способствовать дальнейшему изучению биографии архитектора. Н.Т. Стуколкин успешно руководил мероприятиями по реставрации коллекции мраморной скульптуры, собранной Петром Великим в начале XVIII в.; по долгу службы занимался планированием как реставрационных, так и хозяйственных работ по всем постройкам Летнего сада: павильонам «Чайный Домик» и «Кофейный Домик»; оградкам со стороны Невы и Мойки. В 1911 г. именно Стуколкин отвечал за установку памятника работы Бернштама «Царь — Плотник» на берегу Лебяжьего канала. Одновременно он осуществлял надзор за торговавшими арендаторами павильонов, пресекал их зачастую неправомерные действия, не соответствовавшие статусу Императорского Летнего сада. Занимался Стуколкин также рассмотрением смет, подаваемых многочисленными исполнителями и кандидатами на проведение различного рода работ по саду. Свои разнообразные обязанности, судя по архивным данным, Н.Т. Стуколкин исполнял вплоть до 1917 г. Деятельность архитектора в последующие годы вне Летнего сада не входила в задачи настоящего исследования и пока остается неизвестной. Скончался Н.Т. Стуколкин в 1941 г.

Ключевые слова: архитектор Министерства императорского двора, скульптура Летнего сада, ремонтно-реставрационные работы, Н.Т. Стуколкин.

THE UNKNOWN MATERIALS TO THE BIOGRAPHY OF AN UNKNOWN ARCHITECT. N.T. STUKOLKIN IN THE SUMMER GARDEN

Hvostova, Galina Aleksandrovna — art historian, Leading Research Fellow, the State Russian Museum, the curator of the sculptures of the Summer garden, Honored worker of culture of Russian Federation, Saint-Petersburg, HvostovaGalina@yandex.ru.

During the analysis of archival materials of the late XIX — early XX century on the history of the monuments and the collection of sculptures of the Summer garden we often found name of N.T. Stukolkin, architect of the Ministry of the Imperial court, who was supervisor of all works in the Summer garden in that period. The biography of the architect has not been studied up to now. Based on archival materials we reconstructed main stages of Stukolkin's

work in the garden. N.T. Stukolkin successfully managed the restoration of the collection of marble sculptures collected by Peter the Great in the early XVIII century; he was engaged in planning both restoration and maintenance work on all the buildings of the Summer garden. N.T. Stukolkin was also engaged in the consideration of estimates submitted by numerous performers and candidates for various kinds of works on the garden. According to archival documents N.T. Stukolkin performed his diverse responsibilities until 1917. His biography after that year remains unknown. N.T. Stukolkin died in 1941.

Key words: architect of the Ministry of the Imperial Court, sculpture of the Summer garden, repair and restoration works, N.T. Stukolkin.

При изучении архивных документов конца XIX—начала XX вв., связанных с историей Летнего сада, коллекцией мраморной скульптуры и различными сооружениями на его территории, часто можно видеть имя архитектора Стуколкина. Складывается впечатление, что ни одно важное или даже незначительное событие, связанное с реставрационной, строительной, хозяйственной деятельностью на территории Императорского Летнего сада, не обходилось без активного участия этого человека.

Кто же такой архитектор Стуколкин?

Словарь С.Н. Кондакова отвечает на этот вопрос: «Стуколкин Николай Тимофеевич, родился 16 декабря 1863 года. Ученик Академии художеств с 1883 г. В 1887 г. окончил курс наук. Получил медали: в 1887 г.—2 серебряных; в 1888 г.—1 серебряную; в 1889 г.—2 золотых за “проект Городской Думы для города СПб”. 1 ноября 1890 г.—звание классного художника 1 степени за программу: “Посольский дом”. Архитектор Санктпетербургского Дворцового управления (с 1891 г.)»¹.

Возникший интерес к этому имени отчасти был удовлетворен тем, что в ходе работы с соответствующими бумагами в архиве встретилось дело с выразительным названием: «О причислении к Министерству и Комитету художника архитектуры I степени Николая Тимофеевича Стуколкина». Просматривая архивные документы, можно восстановить историю появления и деятельности Н.Т. Стуколкина в Летнем саду. Итак, встречаем рекомендательное письмо, подписанное профессором и преподавателем Академии Художеств Д.И. Гриммом от 27 февраля 1891 года. Письмо носит полуофициальный характер, начинается словами «Многоуважаемый Эрнест Иванович!» (который, по документам, оказывается Э.И. Жибером, Председателем Техническо-Строительного Комитета Министерства Внутренних Дел). Далее указано: «Предъявитель сего <...> Николай Тимофеевич Стуколкин, вероисповедания православного, окончив курс реального училища, поступил в 1883 году в Академию, в течение пребывания в Академии отличался несомненными способностями, неутомимым прилежанием и примерным поведением, в ноябре 1890 года был удостоен—по конкурсу, на большую золотую медаль—званием художника архитектуры I степени». Сообщается, что в годы учебы он несколько лет с успехом занимался в качестве помощника на практических работах, поэтому заслуживает абсолютного доверия и исполнит возложенное на него поручение с знанием и усердием в честь Академии. Завершается послание такими словами: «Надеюсь, что не откажете в Вашем содействии; с совершенным почтением и преданностью жму Ваши дружеские обе руки»².

¹ Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. (1764–1914): В 2 ч. СПб., [1915]. Ч. 2. Список русских художников. С. 392.

² Российский государственный исторический архив (далее—РГИА). Ф. 1293. Оп. 124. 1891 г. Д. 18. Л. 5.

Со времени написания рекомендательного письма прошло две недели, и 11 марта 1891 г. «Его Высокопревосходительству г-ну министру Императорского Двора» поступило «Прошение классного художника архитектуры I степени Николая Тимофеевича Стуколкина» следующего содержания: «Желая поступить на государственную службу по ведомству Министерства Императорского Двора, осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Превосходительство: не изволите ли признать возможным принять меня на службу, причислить к Министерству с прикомандированием для занятий к Техническому Строительному Комитету без содержания. При сем осмеливаюсь представить: 1. Диплом Императорской Академии Художеств № 2794; 2. Метрическое о рождении и крещении моем свидетельство № 1574; 3. Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности № 153. Н. Стуколкин. Жительство: Вознесенский пр. 34. кв. 6»³.

Рекомендация явно сработала. Председатель Техническо-Строительного Комитета Э.И. Жибер «согласен» и вполне официальной бумагой ходатайствует о причислении Стуколкина на службу к Министерству Внутренних Дел. 31 июля 1891 г. художник архитектуры Стуколкин определен смотрителем Елагиноостровского и Петровского Дворцов. По другим архивным бумагам видим, что за два месяца до этого, 13 июня 1891 г. Стуколкин успел составить «Прошение о выдаче ему свидетельства на вступление в брак с дочерью коллежского советника Александрю Николаевною Дементьевой»⁴. Такие важные, определяющие дальнейшую жизнь события произошли в судьбе Николая Тимофеевича в начале лета 1891 г.

Продолжая работать с документами, связанными с непосредственной деятельностью архитектора именно в Летнем саду, мы обнаружили неожиданный своеобразный подарок — дело, которое называлось «О службе танцовщика балетной труппы Тимофея Алексеевича Стуколкина». Предположение, что речь идет об отце нашего героя, в конечном итоге оказалось справедливым. Сохранилось свидетельство: «1837 года апреля 9 дня Мы, нижеподписавшиеся Симбирской губернии Ардатовского уезда села Козмина сим свидетельствуем, что прежде живший в селе Козмина г. Щепотьева дворовый человек Алексей Иванов Стуколкин, от законной жены его Феодосии Михайловой родился сын Тимофей тысяча восемьсот двадцать девятого года апреля шестого числа. Молитвословие и крещение совершилось села Козмина Дмитровский священник Петр Григорьев с причтом той же церкви и при крещении находились восприемники онаго ж села Козмина г. Щепотьева дворовый человек Василий Михайлов и дворового человека Афанасия Федорова жена Праскева Савельева, вышеозначенного дворового человека Алексея Иванова сын Тимофей значится по метрическим книгам под № 23. Подписи: Священник Алексей Иванов, Дьячок Дмитрий Васильев руку приложил»⁵. Еще более впечатляющими стали данные о том, что в 1835 г. отцу шестилетнего на тот момент Тимофея — Алексею (деду архитектора) была выписана *вольная*⁶.

Алексей Стуколкин, вероятно, перебрался в Санкт-Петербург, его сын с малолетнего возраста начал участвовать в городских ярмарочных представлениях, а после окончания Императорского театрального училища стал весьма знаменитым артистом балета. Т.А. Стуколкин занимался и преподаванием, даже обучал танцам детей императора Александра III. Педагогическая деятельность проходила столь успешно, что в 1881 г. по разрешению

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. 1845 г. Д. 3027. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 4.

Канцелярии Императорского Двора Тимофей Алексеевич смог открыть школу танцев для детей⁷. После его смерти в сентябре 1894 г. вдове было выплачено единовременное пособие⁸.

Отец, заметим, успел порадоваться назначению сына—Николая Тимофеевича Стуколкина—в 1891 г. на должность архитектора Министерства Императорского Двора. На этой позиции Н.Т. Стуколкин будет находиться вплоть до 1917 г. На протяжении более четверти века архитектор оставался одной из наиболее важных и деятельных персон в деле содержания Императорского Летнего сада, ведении хозяйства, строительной и реставрационной сферах. Он из года в год решал множество определенных, подчас повторявшихся организационных задач. Хотя на некоторые аспекты его деятельности мы обращали внимание⁹, целостного представления о работе Н.Т. Стуколкина в Летнем саду опубликованные материалы не дают.

Н.Т. Стуколкин приступил к исполнению своих обязанностей в достаточно сложное время. Как раз в самом конце XIX в. проявилось множество проблем в вопросах содержания зеленого массива, реставрации скульптур, ремонта архитектурных памятников на территории Летнего сада. Так, на 1898 г. приходится сообщения о капитальном ремонте на сумму 5 775 рублей Часовни святого благоверного князя Александра Невского в ограде Летнего сада¹⁰. Разборку, исправление, укрепление и перезолочение металлических деталей наружного убранства выполняла бронзовая фабрика «Моран». Работы по мрамору и граниту—фирма скульпторов братьев Ботта, задачи которой обозначены так: внутри Часовни «исправить, вычистить, отполировать натурального мрамора стены, панели, пороги, ступени, отполировать мраморный киот с промывкою орнаментированных украшений». Много операций необходимо было выполнить и снаружи: исправить с замастичиванием, шлифовкою и полировкой наружный гранитный цоколь с откосами и притолоками; все наружные мраморные пилястры с базами и капителями, а также мраморные карнизы с фризами и архитравами, в арках мраморные наличники, над карнизами два больших и два малых фронтона с орнаментальными украшениями. Судя по датам, ремонт часовни прошел в течение лета весьма быстро—в октябре 1898 г. он был успешно завершен¹¹.

Других сведений о крупных работах в документах конца XIX в. нам пока не встречалось. Однако следуют постоянные упоминания о традиционных, повторявшихся в начале каждого весеннего сезона хозяйственных мероприятиях, предваряющих после апрельской просушки открытие сада в начале мая, как то: мелкий ремонт садового оборудования, металлических оград, окраска скамеек, освобождение скульптур от деревянных футляров, подготовка дорожек и газонов.

⁷ *Боглачева И.А.* Стуколкин Тимофей Алексеевич // Три века Санкт Петербурга. Энциклопедия. СПб., 2008. Т. П. Деятельный век. Книга шестая. С-Т. С. 657–659. РГИА. Ф. 472. Оп. 16. 1881 г. Д. 70. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. 1894 г. Д. 557. Л. 1.

⁹ *Хвостова Г.А.*: 1) Скульптура Летнего сада в 1904–1907 годах. К истории реставрации // Плантомания. Российский вариант. Материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб., 2006. С. 478–484; 2) Мраморная скульптура Летнего сада в начале двадцатого столетия. К истории реставрации петровской коллекции // Проблемы исторического регионоведения: Сб. ст. СПб., 2015. Вып. IV. С. 109–121.

¹⁰ Следующий по времени ремонт состоялся в 1910–1911 гг. См.: *Хвостова Г.А.* За кулисами петровского парадиза или история скульптуры Летнего сада в XVIII—начале XXI века. СПб., 2017. С. 198.

¹¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. 1898 г. Д. 376. Л. 98.

Н.Т. Стуколкин по долгу службы стал лицом, ответственным за исполнение всех работ, им составлялись долгосрочные планы, однако вопросы финансирования решались вышестоящим начальством. Среди графических материалов, хранящихся в РГИА, наше внимание привлек «План Императорского Летнего сада», с показанием устройства водопровода для полива газонов, кустов и цветников, собственноручно подписанный архитектором. К нему приложены семь чертежей, детально изображающих различные участки сада, вплоть до газонов, отхожего места (чертеж 1896 г.), ограды набережной Фонтанки с просчитанными столбами. Не забыты: Часовня, памятник Крылову, Кофейный Домик, «Павильон Лемешова» (имеется в виду Павильон «Чайный Домик») и даже «Киоск лактобактерина» и «Киоск минеральных вод», расположенные на главной аллее. При рассмотрении чертежей становится понятен повод для их изготовления—это перспективный развернутый план ремонта памятников на ближайшие десять лет. Напротив изображения объекта—памятника можно увидеть дату планируемого ремонта. Набережная реки Фонтанки намечена к ремонту в 1911 г. Ограда Шарлеманя обозначена датой 1912 г. Чертежи расцвечены пунктирными линиями: темнорозовый цвет обозначает работы 1910 г.; желтый—1912 г.; коричневый—1913 г.; красный—1914–1915 гг. Внизу главного чертежа, рядом с подписью Стуколкина имеется виза красными чернилами «План принят в соображение и при проверке сметы»—далее неразборчивая подпись¹². Таким образом, архитектор мыслит перспективно, заранее планируя, какие работы будут разворачиваться в саду вплоть до 1915 г.

Н.Т. Стуколкин принимал участие и в реставрации мраморной скульптуры сада, руководил мероприятиями по выравниванию и укреплению мраморных пьедесталов. О работе архитектора в этой области можно судить по документам, прежде не привлекавшим внимания исследователей. 5 июня 1909 г. Н.Т. Стуколкин подал рапорт в Санкт-Петербургское Дворцовое управление, в котором сообщил, что вследствие предписания управления от 13 января 1909 г., он представляет смету на 970 рублей с чертежом на работы по частичной реставрации изваяний в Императорском Летнем саду. К смете прилагаются заявления соискателей (А. Андреева, П. Кюферле, В. Семина), а также прекрасно исполненный план сада на кальке с обозначением цифрами скульптур и построек, сопровождаемый перечнем работ. Сформулированные задачи демонстрируют обстоятельную проработанность Н.Т. Стуколкиным проблем реставрации скульптур, но их названия, к сожалению, не приведены. Архитектор указывал, что во время реставрации нужно «сломанные недостающие части в группе № 1 и фигурах №№ 2 и 4 вырубить из мрамора и сделать вставки в надлежащие места вышеуказанных фигур и групп». Далее: «Заделать трещины и свищи, образовавшиеся от времени с соблюдением полной предосторожности для сохранения прежнего вида фигур и групп. Пройти все вышеуказанные фигуры заново скампелью рифлевкою для снятия накопившегося от времени черного слоя за исключением некоторых мест, которые прокопчены насквозь»¹³. Следующим этапом работы архитектора будет прием и начальное рассмотрение смет, подаваемых реставраторами-исполнителями.

Письменные предложения соискателей, демонстрирующие их характеры и степень профессионализма, своеобразны и различны. Кюферле краток, «укладывается» в общую сумму 970 рублей, обещая реставрировать «1. Группу по плану № 1 Венера и сатир; 2. фигуру по плану № 2 Оксиденс; 3. фигуру по плану № 4 Сибилла Либика». Смета

¹² РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Нач. XX в. Д. 154.

¹³ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. 1909 г. Д. 521. Л. 1.

от мастера А. Андреева выглядит так: «№ 1. Мраморная группа перед Дворцом вычистить струментом и наполоманные части сделать модели и примундировать наполоманные места из гипса и паetim моделям вырубить измрамора и укрепить наместа и насколько будет возможно снять слой на иструалих (так! — Г.Х.) и почернелых местах на фигуре заисключением пьедестала за суму 875 р. № 2. Также исправить все поломанные части пройти струментом заделать трещины и вычистить за исключением пьедестала за суму 400 р. № 4. Также заделать все поломанные части вычистить и исправить трещины без пьедестала за суму 350 р. 1625. Мрамор — скульптурных дел мастер А. Андреев». Почти так же составлена смета мастером В. Семиным. Общая сумма, им предлагаемая, — 1 130 рублей¹⁴.

Проходит лето 1909 г. Подрядчик так и не был избран. Вероятно, Дворцовое управление посчитало обозначенные суммы завышенными. Но вот 4 сентября в борьбу за заказ включаются зарекомендовавшие себя ранее скульпторы братья Ботта, предлагая исполнение работ за 820 рублей. При этом Ботта обещает: «... работа по исполнению 3-х фигур <...> при сем фигуры пройти скампелью вновь, дабы удалить черный оттенок и сделать все недостающие части вновь, одним словом, превратить фигуры в должный вид <...> Присовокупляю при этом, что реставрация фигур будет исполнена с соблюдением художественности изваяния ...»¹⁵.

Положение стало более напряженным после появления среди претендентов на заказ скульптора А.Я. Боровского, который заявляет сумму 900 рублей и сразу же, вероятно, абсолютно не сомневаясь в положительной реакции на свои предложения, просит предоставить ему помещение для производства в нем работ по реставрации изваяний сада. Н.Т. Стуколкин тут же обращается в Дворцовое управление, указывая подходящее для такой цели помещение в Кофейном Домике и прикладывает соответствующий план. Судя по содержанию бумаг, заказ был отдан именно А.Я. Боровскому, он работал в избранном помещении. Архитектор здраво рассудил, что поскольку в зимний период кофейня не приносила дохода, в Кофейном Домике возможна организация реставрационной мастерской.

Состояние мраморной скульптуры сада на исходе 1900-х гг. вызывало серьезные опасения Н.Т. Стуколкина. Им была составлена специальная «Смета по *постепенной* (курсив наш — Г.Х.) реставрации мраморных изваяний в Императорском Летнем саду», поданная вместе с соответствующим рапортом в Дворцовое управление 30 марта 1909 г. Описание сохранности произведений впечатляет и ужасает одновременно — настолько она катастрофична:

- «I. Весна. Не достает ступни, руки очень разрушены, вся поверхность очень пориста и выветрена. 680 руб.
 - II. Юстиция. Не достает ладони, шести пальцев, поверхность всей фигуры сильно пориста и выветрена. 575 руб.
 - III. Sibilla Europaеа. Не достает трех пальцев, носа, перьев на шлеме, куска драпировки, шея и голова отломаны. 575 руб.
 - IV. Аугога. Не достает одного пальца — вся фигура с чрезвычайно пористой выветренной поверхностью. 460 руб.
 - V. Meridis. 460 руб.
 - 6. Собесский (бюст).
- Всего по смете 2 950 руб. Стуколкин».

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ Там же.

А вот как видел Николай Тимофеевич содержание работ: «Взамен сложенных или недостающих частей изваяний сделать из соответствующего материала новые и прочно приделать к изваяниям. Заделать все имеющиеся трещины и свищи с соблюдением полной предосторожности для сохранения прежнего вида и характера реставрируемых изваяний. Тщательно очистить с поверхности изваяний всю накопившуюся пыль, грязь и копоть, но за исключением тех мест, которые настолько загрязнены, что чистка их потребовала бы снятия некоторого слоя самого изваяния — такие места чистить настолько, насколько чистка эта поддается без удаления слоя изваяния»¹⁶.

Подробное и, с нашей точки зрения, не только профессионально изложенное, как если бы автором являлся не архитектор, а скульптор-реставратор, но и эмоционально прочувствованное задание, раскрывает глубокое проникновение в сокровенную проблематику реставрации скульптуры. Архитектор категорически против снятия авторского верхнего слоя мрамора, которым отмечены многие предыдущие и, к сожалению, некоторые последующие реставрационные мероприятия.

В другом рапорте Н.Т. Стуколкина значится, что вследствие личного приказа начальника Дворцового управления архитектором выданы под расписку господам Волку и Малашкину два изваяния (головы) из тех, что убраны из Летнего сада в кладовую во двор Прачечного дома. В расписках оговорено, что работу по пробной реставрации господина Волк и Малашкин согласны исполнить безвозмездно — первый — в двухмесячный срок, второй — в течение одного месяца. Похоже, что заказы на реставрационные работы по скульптурам Летнего сада считались настолько почетными и желанными, что многие специалисты были готовы исполнять их бесплатно, стремясь произвести положительное впечатление на Дворцовое управление. Например, и «барон Рауш фон Траубенберг в текущем 1910 году, реставрировал один бюст»¹⁷.

Об оживлении интереса к возможности проведения работ со скульптурой сада свидетельствует и тот факт, что в ноябре 1911 г., вследствие просьбы управляющего Императорской гранильной фабрикою тайного советника Мостовенко, Дворцовое управление предполагает «ускорить отсылку на названную фабрику одного из имеющихся в Летнем саду бюстов с испорченной поверхностью для пробной реставрации такового при помощи особой пломбы»¹⁸. Анализируя обстоятельства реставрации скульптуры, мы не перестаем удивляться наличию туманных секретов относительно способов обращения с памятниками: «пробной» реставрации, «особой пломбы» ... Но ничто, происходившее в Летнем саду, не оставалось незамеченным. Незвестный автор, скрывшийся под инициалами А.Р., на страницах журнала «Старые годы», выражая, очевидно, общественное мнение, выступил с таким суждением: «Как известно, среди статуй Летнего сада есть ценные экземпляры <...> Едва ли рационально со стороны Дворцового ведомства поручать их новую реставрацию, правда, за недорогую плату, неопытным людям. И без того уже бьет в глаза неприличие прежних реставраций ...»¹⁹. В таких сентенциях, безусловно, имелась своя правда. Однако представляется, что позиция надзирающего за ходом работ архитектора оставалась безупречной. Несмотря на то, что Н.Т. Стуколкин, находясь на службе, не всегда мог влиять на решение всех вопросов, во многом именно его усилиями готовилась необходимая сметная документация для реставрации, формировался

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 34.

¹⁸ РГИА. Ф. 475. Оп. 1 1909 г. Д. 521. Л. 117.

¹⁹ Хвостова Г. А. За кулисами петровского парадиза ... С. 51.

круг специалистов (как претендентов на проведение работ, так и отобранных исполнителей), организовывалось соответствующее помещение — мастерская. Впоследствии им же осуществлялся организационный и профессиональный контроль за ходом реставрации 1909–1911 гг., которая, несмотря на некоторые сложности, стала важным этапом в истории бытования мраморной скульптуры.

Практически одновременно с вышеописанными заботами по поводу реставрации скульптуры решались всякого рода мелкие и крупные ремонтные проблемы, связанные с буднями сада. Так, Н.Т. Стуколкин представляет сметы на работы по исправлению калитки в решетке Летнего сада у Прачечного моста и ворот того же сада в решетке со стороны Инженерного замка, а именно: «Смета Рейнгардт без возобновления фундамента — 640 руб. Смета Паль без возобновления фундамента — 920 руб., той же смете Паль с возобновлением фундамента — 1 250 руб. Смета Винклер без фундамента и без земляных работ — 950 руб.». Попутно выясняется, что на работах для сада сильно экономят: оказывается, по ведомости строительных работ, Высочайше разрешенных к производству, на работу по исправлению одной калитки у Прачечного моста и на укрепление одного столба и постановку одного пятника в воротах у Пантелеймоновского моста назначена сумма в 200 рублей. Архитектор убеждает: «Ограничиться исправлениями, только что упомянутыми, навряд ли удастся <...> двое других ворот, средние и ближайшие по Лебяжьему каналу, как это и было предложено мною при составлении ведомости капитальных работ на 1906 год, на что испрашивалась мною сумма до 1000 рублей». Эти слова возымели действие — начальник Дворцового управления обратился в Кабинет Его Императорского Величества, ссылаясь на мнение местного архитектора, в результате чего было открыто дополнительное ассигнование²⁰.

Особой сферой деятельности архитектора были обычные для Летнего сада дела, связанные с контролем за деятельностью арендаторов, например, павильона «Чайный Домик». В апреле 1908 г. оборотистый и практичный крестьянин Иван Фадеевич Лемешов, ранее победивший всех соперников в «сражении» за право торговать в Чайном Домике, о чем занимательно повествует другое архивное дело, — хлопочет о разрешении своему протеже — субарендатору, швейцарскому гражданину Э. фон Кенель (из заведения сестрорецкого курорта) продавать кефир и кумыс в чайном буфете при Императорском Летнем саду. Рассмотрев поданные бумаги, 12 мая Санкт-Петербургское Дворцовое управление дает такое разрешение. Далее материалы дела живописуют бурную деятельность Лемешова. Начало лета уходит, судя по переписке, на прокладку сточной трубы от павильона до набережной Фонтанки. Причем, поначалу он собирался применить в качестве материала дерево, но получает строгое указание архитектора — труба должна быть непроницаемой, керамической! За этими действиями бдительно следят архитектор и сам временно исполняющий обязанности начальника управления гвардии полковник Зейме, не дающие арендатору ни малейших послаблений²¹.

В 1911 г. Лемешов обращается в Дворцовое управление с пространном прошением, в котором подробно перечисляет свои «доблести» за прошедшие годы аренды: устройство водопровода и канализации, переделку заново кухни, остекление сторон здания Чайного Домика, выходящих на Фонтанку и к памятнику Крылову. Он уверяет, что понесенные на это расходы, в связи с высокой арендной платой и неблагоприятной для торговли погодой, до настоящего времени не покрылись полученными прибылями,

²⁰ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. 1906 г. Д. 45. Л. 1–5.

²¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. 1908 г. Д. 511. Л. 16.

но снова просит сдать в аренду «домик» на 5 лет за плату 610 рублей в год. При этом обязуется произвести новые капитальные улучшения — возвести пристройку для помещения кладовых с левой стороны, которая будет возведена так, чтобы не испортить внешнего вида здания. Неизвестно кем выполненный приложенный чертеж предлагаемой пристройки не выдерживает никакой критики. Тем не менее, все предложения рассматриваются Ремонтной комиссией и в Санкт-Петербургское Дворцовое управление отправлен рапорт Н.Т. Стуколкина. Архитектор так комментировал идею Лемешова: «... пристройка с южной стороны не может быть допущена <...> ничтожная высота <...> придаст ей характер случайно приделанной к павильону кладовушки и нарушает симметрию главного фасада памятника»²². На этом архивное дело завершается, не позволяя узнать, была ли вновь продлена аренда крестьянину Лемешову. Несомненно одно — намерения хитроумного арендатора доставляли немало хлопот архитектору Н.Т. Стуколкину.

Следует признать, что усилия по осуществлению конкретных нужных дел меркнут по сравнению с необходимостью рассматривать неожиданные прожекты и порой невысказанные по наивности и странности предложения, исходившие от людей, стремившихся что-то предпринять в саду с целью получения быстрой прибыли. Как «венец» такого рода случаев смотрится история, воплощенная в бумагах Санкт-Петербургского Дворцового управления (дело № 192). Пространственный документ настолько оригинален, что невозможно удержаться от искушения воспроизвести его почти полностью, с небольшими купюрами. Название звучит так: «Дело Санкт-Петербургского Дворцового Управления. По просьбе Я.М. Кушера и директора Санкт-петербургских Музыкально-драматических курсов, свободного художника Г.Я. Заславского, об отводе им в Летнем саду, под постройку павильона для устройства симфонических вечеров». И — содержание следующее: «28 ноября 1908. Его Высокопревосходительству г-ну министру Императорского Двора, копия, Кабинет Его Императорского Величества, Канцелярия Министерства Императорского Двора. Якова Моисеевича Кушера и Директора Санкт-петербургских Музыкально-драматических курсов, свободного художника Григория Яковлевича Заславского, жительствоющих Адмиралтейской части, 2-го участка, по ул. Гоголя д. № 18. Прошение. Санкт-Петербург, обладая полной возможностью удовлетворить самому прихотливому вкусу любителя сценического искусства, в то же время почти совершенно лишен средств удовлетворить насущные музыкальные потребности обывателя. Ведь нельзя же считать достаточным тех немногих симфонических концертов, которые имеют место в течение зимнего сезона. А между тем, давно уже назрела необходимость для Санкт-Петербурга иметь такое учреждение, которое давало бы возможность столичному жителю наслаждаться музыкальными пьесами без поездок в окрестности, требующих больших расходов и значительной затраты времени. Мало того, семейные лица, которым дороги интересы их детей, поставлены в полную невозможность доставить им музыкальные удовольствия, так как частные театры ставят лишь сенсационные новинки, имеющие пагубное влияние на молодежь, что же касается императорских, то доступ туда настолько труден, что о возможности достать билет в оперу огромное количество населения может лишь мечтать. При таких условиях, не говоря уже вообще о высоком воспитательном значении музыки и ее облагораживающем влиянии на душу человека, а единственно лишь считаясь с стремлением петербуржцев удовлетворить свои насущные музыкальные потребности — мы решили пойти навстречу столичному населению и создать павильон

²² Там же. Л. 44.

вместимостью на 2 000–3 000 человек, который бы отвечал последнему слову техники и комфорта, в то же время был бы годен как для зимних, так и для летних симфонических вечеров. В нем под управлением директора Санкт-петербургских Музыкально-Драматических курсов Г.Я. Заславского и Г.Я. Фистулари оркестр из 100 артистов будет давать ежедневно симфонические концерты. Кроме того, к участию будут приглашены лучшие силы, как из русских, так и зарубежных солистов и дирижеров.

Но на пути к осуществлению нашего проекта мы встретились с препятствием в виде недостатка подходящего для застройки участка, который бы обладал всеми необходимыми для такого концертного зала удобствами. Так как симфонические вечера предполагаются в течение круглого года, то необходимо избрать такое место, которое удовлетворяло бы должным для того требованиям. Таким пунктом мог бы быть состоящий в ведении Министерства Императорского Двора Летний сад. Были случаи, что в Летнем саду устраивались выставки, самый сад всегда открыт для доступа публики, задышающей среди каменных громад зданий и жаждущей отдыха под тенью деревьев. Не было бы ничего удивительного, если бы в этом саду возник концертный зал, где петербургский обыватель мог отдохнуть душою, наслаждаясь музыкой. В полном убеждении, что Министерству Императорского Двора и Уделов не чужда симпатичная цель предполагаемого учреждения, мы решили обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтительнейшим ходатайством о предоставлении нам под означенную постройку участка земли величиною 500–600 саженьей, в арендное пользование на 20 лет с тем, что мы обязуемся выстроить в Летнем саду соответствующее помещение, годное для зимних концертов, *красивое в архитектурном отношении* (курсив наш—Г.Х.) и будем выплачивать за все время пользования 10 000 рублей в год, внося платежи по полугодиям вперед. После окончания срока аренды здание поступает в собственность Министерства Императорского Двора. Сверх того, мы предполагаем отчислять в пользу состоящего под Высочайшим покровительством Ея императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Женского Патриотического Общества пять процентов с чистого дохода путем наклейки на билеты особых марок и, кроме того, устраивать по воскресеньям и праздничным дням бесплатные дневные симфонические концерты для учащейся молодежи Военно-Учебных заведений, причем право распоряжения входными билетами на эти концерты будет всецело предоставлено Министерству Императорского Двора по его указанию.

Если Ваше Высокопревосходительство найдет возможным уважить наше ходатайство, то мы не замедлим доставить все дополнительные сведения, которые Вам благоудно будет от нас потребовать, а также и разработанный проект самого здания (павильона) (Крайне любопытно, какой архитектор осмелился готовить такой проект, но об этом ничего не сказано—Г.Х.). При сем присовокупяем, что мы предполагаем при концертном павильоне содержать перворазрядный ресторан без крепких напитков. СПб. 26 ноября 1908 года. Подписали: Я.М. Кушер и Г.Я. Заславский»²³.

Менее, чем через месяц от даты приведенного письменного предложения 18 декабря 1908 г. в Санкт-Петербургское Дворцовое управление последовал рапорт Н.Т. Стуколкина. Ознакомившись с прошением вышеозначенных господ и проанализировав «рекреационный потенциал» Летнего сада, он указывал, что «единственным местом, подходящим по размерам своим к условиям Г.г. Кушера и Заславского, является площадка в южной

²³ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. 1908 г. Д. 192. Л. 2.

части Императорского Летнего сада, занятая в настоящее время прудом. Означенная площадка могла бы быть отдана в аренду Г.г. Кушера и Заславскому в том случае, если было бы разрешено уничтожить существующий пруд, засыпав его и сравнив занимаемую им площадь с общим уровнем сада». К ответу следовала приписка: «... отношение Хозяйственного Комитета Его Императорского Величества от 2 декабря сего года за № 17948 и прошение Г.г. Кушера и Заславского от 26 ноября сего 1908 года на имя Его Высокопревосходительства г. Министра Императорского Двора и Уделов при сем возвращаю. Архитектор Стуколкин»²⁴. Остается лишь догадываться об истинных чувствах архитектора, разбиравшегося с содержанием вышеприведенного документа, тем не менее, форма ответа и выставленные аргументы вызывают безусловное уважение к уму и находчивости архитектора, спокойно противопоставившего существование исторического пруда начала XVIII в. велеречивому проекту двух «смелых» предпринимателей. На этом маленькая псевдомузыкальная история завершилась.

Много усилий потребовала от архитектора установка в Летнем саду скульптуры Л.-А. Бернштама «Царь-плотник». Скульптур таких всего было три: первую, подаренную городу императором Николаем II, установили на Адмиралтейской набережной; вторая — заказанная им же «в половинном размере», предназначенная для подарка в Голландию, не подошла для этой цели по размерам; третья, исполненная как точная копия первой, и отправилась в голландский город Заандам. А «вторую, оказавшуюся ненужной, статую Петра Великого» «в получеловеческий рост», как курьезно повествует документ, было приказано препроводить в Санкт-Петербургское Дворцовое управление для хранения, до тех пор, когда будет «испрошено Высочайшее указание, не последует ли повеление поставить ее в одном из дворцовых садов»²⁵. В октябре 1910 г. «статуя, признанная слишком малою по размерам для постановки в городе Заандаме (или Саардаме — Г.Х.), доставлена за 1 545 марок 30 пфеннигов из Парижа (где находилась мастерская автора — скульптора Бернштама — Г.Х.) в Санкт-Петербург, принята в январе 1911 г. смотрителем комнатного имущества Императорского Зимнего дворца г. Дементьевым и установлена в Зимнем дворце на Салтыковском подъезде». Судя по всему, над ее судьбой думали недолго. Вскоре скульптура была передана архитектору Николаю Тимофеевичу Стуколкину для постановки ее, во исполнение высочайшего повеления, в императорском Летнем саду²⁶.

Дальнейшее стало исключительной заботой Н.Т. Стуколкина. Традиционно ежегодная активная жизнь начинается в Летнем саду весной, и в мае 1911 г. архитектор представил в Дворцовое управление два эскиза (следует полагать, собственного авторства) гранитного пьедестала для памятника в императорском Летнем саду, на повышенном газоне, напротив выступа у Лебяжьего канала. При этом варьировались способы сооружения: цельный, из красного полированного гранита (за 1 800 рублей), и постамент, сложенный из камней красного гранита (за 1 500 рублей). Смета фирмы «А. Моран» указывала и стоимость устройства фундамента — 100 рублей²⁷. Представленные предложения предполагали различную стоимость работ и Дворцовое управление, помимо сметы Морана, рассматривало смету скульптора К.О. Гвиди, который согласен был сделать все за 950 рублей²⁸. Фирма братьев Аксеро победила в поединке «кто меньше» и взялась за

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 27 (17). 1909 г. Д. 143. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 50.

²⁷ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. 1911–1912. Д. 542. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 6.

выполнение полированного пьедестала из искусственного гранита всего за 185 рублей. 29 сентября 1911 г. Аксеро сообщили по телефону архитектору Стуколкину, что 30 сентября пьедестал будет доставлен в Летний сад и поставлен на место²⁹.

Далее скульптурный мастер А. Андреев за 25 рублей перевез в сад бронзовый памятник императору Петру, установил его и «подлил портландским цементом». В этом принимал участие подрядчик мостовых, земляных и шоссейных работ Дмитрий Павлович Кузнецов — он выполнил бутовую кладку под памятник и добавление раствора портландцемента — за 23 рубля 62 копейки. Все было готово к 10 сентября, но расплатились с последним участником лишь в апреле следующего 1912 г. Вероятно, выдерживалась сезонная пауза, чтобы наверняка убедиться в качестве работ. Таким образом, «Царь-плотник» с 1912 г., а не с 1913 г., как считалось ранее, обосновался в Летнем саду, на террасе напротив Лебяжьей канавки³⁰.

После судьбоносных политических событий 1917 г. новые газеты пестрели решительными заголовками: «Снятие памятников Петру I» и затем: «В коллегии по делам искусств и художественной промышленности снова был затронут вопрос о снятии памятников Петру I на Адмиралтейской набережной. В настоящее время памятники эти, не имеющие никакого художественного значения, закрыты деревянными щитами, сооруженными по проекту художника Добужинского по случаю празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Коллегия постановила, что щиты эти должны быть немедленно убраны, чтобы иметь возможность приступить к съемке самих памятников»³¹. Памятник работы Бернштама «Царь-плотник» исчез и из Летнего сада, произошло это в 1931 г.

После 1917 г. имя Н.Т. Стуколкина больше не встречается в документах, связанных с Летним садом. Вместо Дворцового ведомства садом стал заведовать Отдел коммунального хозяйства Петроградского Совета. В 1925 г. использование Летнего сада и вопросы реставрации скульптуры во многом зависели от Ленинградского отделения Главнауки, размещавшегося в Мраморном дворце³².

Законы жанра диктуют необходимость завершения представленного материала. При этом необходимо подчеркнуть, что в начале работы, имея многочисленные данные о разнообразных обязанностях архитектора Н.Т. Стуколкина в Летнем саду, мы не имели четкого представления о длительности его жизненного пути. Ситуация развернулась иначе благодаря нескольким скупым строчкам «блокадных списков», которые и послужат финалом нашей истории: «Умер в первую блокадную зиму»³³.

Список литературы

Боглачева И.А. Стуколкин Тимофей Алексеевич // Три века Санкт Петербурга. Энциклопедия. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2008. Т. II. Девятнадцатый век. Книга шестая. С–Т. С. 657–659.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Хвостова Г.А. Памятники «царю-плотнику» в Санкт-Петербурге и Саардаме. (К истории российско-голландских художественных связей) // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. СПб., 2003. Вып. I. С. 291.

³¹ Она же. К вопросу об истории памятника «Царь-плотник» скульптора Л.-А. Бернштама в Летнем саду // Петербургские чтения — 97: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб., 1997. С. 137.

³² Архив КГИОП. 1923—1940. Д. 165–1. Л. 213.

³³ Блокада. 1941–1944. Ленинград. Книга памяти: В 35 т. СПб., 2005. Т. 29.

Блокада. 1941–1944. Ленинград. Книга памяти: В 35 т. СПб.: Изд. дом «Стелла», 2005. Т. 29. 716 с.

Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. (1764–1914): В 2 ч. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. Ч. 2. Список русских художников. 454 с.

Хвостова Г. А. За кулисами петровского парадиза, или история скульптуры Летнего сада в XVIII—начале XXI века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 232 с.

Хвостова Г.А. К вопросу об истории памятника «Царь-плотник» скульптора Л.-А. Бернштама в Летнем саду // Петербургские чтения—97: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 132–137.

Хвостова Г.А. Мраморная скульптура Летнего сада в начале двадцатого столетия. К истории реставрации петровской коллекции // Проблемы исторического регионоведения: Сб. ст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. Вып. IV. С. 109–121.

Хвостова Г.А. Памятники «царю-плотнику» в Санкт-Петербурге и Саардаме. (К истории российско-голландских художественных связей) // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. СПб.: Европейский дом, 2003. Вып. I. С. 286–291.

Хвостова Г.А. Скульптура Летнего сада в 1904–1907 годах. К истории реставрации // Плантомания. Российский вариант: Материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 478–484.

References

Boglacheva, I.A. Stukolkin Timofej Alekseevich [Stukolkin Timofey Alekseevich], in *Tri veka Sankt Peterburga. Jenciklopedija*. Saint-Petersburg: Filologicheskij f-t SPbGU Press, 2008. Vol. II. Devjatnadcatyj vek. Kniga shestaja. S–T. P. 657–659. (in Rus.).

Blokada. 1941–1944. Leningrad. Kniga pamjati: V 35 t. [Blockade. 1941–1944. Leningrad. Memory Book: In 35 Volumes]. Saint-Petersburg: Izd. dom «Stella» Press, 2005. Vol. 29. 716 p. (in Rus.).

Hvostova, G.A. K voprosu ob istorii pamjatnika «Car'-plotnik» skul'ptora L.-A. Bernshtama v Letnem sadu [To the question about the history of the monument “Tsar-Carpenter” of the sculptor L.-A. Bernshtam in the Summer Garden], in *Peterburgskie chtenija—97: Materialy jenciklopedicheskoj biblioteki «Sankt-Peterburg 2003»*. Saint-Petersburg.: BLIC Press, 1997. P. 132–137. (in Rus.).

Hvostova, G.A. Mramornaja skul'ptura Letnego sada v nachale dvadcatogo stoletija. K istorii restavracii petrovskoj kollekcii [Marble sculpture of the Summer Garden at the beginning of the twentieth century. To the history of the restoration of the Peter collection], in *Problemy istoricheskogo regionovedenija: Sb. st.* Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU Press, 2015. Is. IV. P. 109–121. (in Rus.).

Hvostova, G.A. Pamjatniki «carju-plotniku» v Sankt-Peterburge i Saardame. (K istorii rossijsko-gollandskih hudozhestvennyh svjazej) [Monuments to the “Tsar-Carpenter” in St. Petersburg and Saardam. (To the history of Russian-Dutch artistic ties)], in *Soobshhenija Rossijsko-Niderlandskogo nauchnogo obshhestva*. Saint-Petersburg: Evropejskij dom Press, 2003. Is. I. P. 286–291. (in Rus.).

Hvostova, G.A. Skul'ptura Letnego sada v 1904–1907 godah. K istorii restavracii [Sculpture of the Summer Garden in 1904–1907. On the history of restoration], in *Plantomanija. Rossijskij variant: Materialy XII Carskosel'skoj nauchnoj konferencii*. Saint-Petersburg.: Izd-vo Gos. Jermitazha Press, 2006. P. 478–484. (in Rus.).

Hvostova, G.A. *Za kulisami petrovskogo paradiza, ili istorija skul'ptury Letnego sada v XVIII—nachale XXI veka* [Behind the scenes of the Peter's paradise or the History of the sculpture of the Summer Garden in the XVIII—beginning of the XXI centuries]. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin Press, 2017. 232 p. (in Rus.).

Kondakov, S.N. *Jubilejnyj spravocnik Imperatorskoj Akademii Hudozhestv (1764–1914): V 2 ch.* [The anniversary reference book of the Imperial Academy of Arts (1764–1914): In two parts]. Saint-Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, [1915]. Pt. 2. Spisok russkih hudoznikov. 454 p. (in Rus.).